

Анатолий Коряковский

АПОСТОЛ СЕВЕРА — ПРЕПОДОБНЫЙ ТРИФОН ПЕЧЕНГСКИЙ

Начиная с 2003 года, по благословению Святейшего Патриарха Алексия II, установлено празднование Собора Кольских святых — в день памяти преподобного Трифона Печенгского (**28 декабря н. ст.**).

27 декабря 1995 г. из состава Архангельской епархии Русской Православной Церкви была выделена Мурманская епархия. С 1995 г. епископом, а с 29 февраля 2004 г. архиепископом Мурманским и Мончегорским по настоящее время является владыка Симон (Гетья).

В своем первом архипастырском послании к мурманской пастве Преосвященный отметил, что главной задачей образованной епархии станет «воссоздание древней культуры этого края на незыблемых основах веры православной».

Кольская земля — явление уникальное как в истории, так и в географии России. Необъятность просторов, богатство суровой северной природы, крайняя удаленность от культурных центров и столиц — все это обусловило историческую судьбу края.

До XVI века огромные пространства тундр, озер, болот и сопок находились в безраздельном владении коренного населения — лопарей, стоявших на ступени самого примитивного язычества. Лишь берега Белого и Баренцева морей изредка посещались торговцами-поморами. Тем не менее, именно в это время Кольская земля услышала проповедь Евангелия и увидела образец преподобнической святости.

И неизвестно, сколько этой земле оставаться еще «бесплодной и жаждущей», не воссияя на ней евангельский свет Христовой веры, принесенной великим подвижником, трудником и просветителем своего времени — преподобным Трифоном Печенгским.

Своими апостольскими трудами он «просветил помраченные и собрал расточенные»: некогда дикую землю и духовную пустыню привел к просвещению и превратил в богатый торгово-промысловый край. Он оставил после себя множество учеников и последователей, продолживших воцерковление и приобщение к всероссийской пастве.

В XVII веке в России активно развивались местные литературные школы, тесно связанные с центром. После Смуты, особенно во второй половине XVII века, страна переживала подъем монастырской жизни, появлялись новые обители, пополнялся сонм общерусских святых. Для их прославления в центре и на местах создавались десятки новых житий и служб, сказаний о чудотворных иконах и монастырях, пересматривались и перерабатывались старые агиографические сочинения.

Анатолий Коряковский — студент магистратуры Церковно-исторического отделения Санкт-Петербургской православной духовной академии.

Из произведений северно-русской агиографии, связанных с Кольской землей, первое место по праву принадлежит житиям Трифона Печенгского и Варлаама Керетского. В рукописных сборниках XVIII–XIX вв. они часто переписывались вместе.

Именно с преподобным Трифоном Печенгским и его равноапостольными трудами, в первую очередь, можно связать просвещение лопарей на Кольском Севере светом Христовой Истины, сближение, срастание русских с коренными жителями, хозяйственное и культурное освоение северо-западной части России — Мурмана.

Трифонов Печенгский монастырь — камень, заложенный апостолом Севера — преподобным Трифоном. Именно поэтому, хотя возможно и не вполне осознанно, все эти годы к истории обители повышенный интерес проявляли историки, краеведы, писатели, журналисты, и все любящие свой край.

Вышло много различных материалов, книг, публикаций на эту тему, но они, к сожалению, большей частью разрозненны, порой противоречивы, имеют неточности, представлены с позиции материализма.

Многие жители Кольского полуострова и сегодня недостаточно знают об истории Трифонов Печенгского монастыря. Впервые совершая паломническую поездку в монастырь и по другим святым местам Кольского Севера, зачастую, открывают для себя целую Православную эпоху родной земли.

Самый северный Православный мужской монастырь России имеет богатую историю и в различные периоды своего существования являлся гордостью Российской державы.

Среди сонма русских святых подвижников преподобный Трифон Печенгский как и преподобный Сергей Радонежский подвиги отречения от мира сочетал с практической деятельностью, направленной на служение Отечеству до последнего своего вздоха на земле.

Вся история основанного монастыря неразрывно связана с незримой помощью и заступничеством преподобного Трифона Печенгского. Сбылись пророчества этого святого, и монастырь пережил периоды разорения и возобновления.

К числу белых пятен русской агиографии относится «Житие Трифона Печенгского». До сих пор не до конца изучены обстоятельства его возникновения, не установлены его источники и причины языковой неоднородности, не прослежена история списков произведения, не выявлены его редакции, а датировка его появления колеблется в пределах XVI–XVII вв.

На Русском Севере «Житие Трифона Печенгского» читали, переписывали и редактировали на протяжении двух столетий, в XVIII–XIX вв. Оно прочно вошло в круг домашнего, семейного чтения поморов и старообрядцев, крестьян и мещан.

Долгое время исследователи не могли установить личности составителя и время появления Жития преподобного Трифона. Лишь недавно была вполне убедительно обоснована догадка, что «Житие» написал соловецкий монах Сергей Шелонин, в миру — Семен Михайлович Москвитин (умер в 1667 году). В его распоряжении находились рассказы учеников Трифона в виде «писаний кратких <...> в малых книжках», которые сохранили благо-

честивые почитатели из любви к праведному старцу. На основе свидетельств «самовидцев» деятельности Трифона Сергей Шелонин «понудихся Службу и Житие преподобного, во едину книгу, совокупив, написать»¹.

Каноническое житие рассказывает, что Трифон, уроженец Новгородской земли, родился в 1495 г. (по другим данным — в 1485 г.) в Торжке в семье священника и получил мирское имя Митрофан. С детства горел жадной подвижничества; его мечты получили реальное воплощение, когда он, будучи еще мирянином, направился на северную окраину Московского государства — Кольскую землю, «землю не обетованную и не в путную, в землю жадную, понеже не исходил муж, не обита человек». «И прииде на приморие великаго моря окяна, в часть Норванския (норвежской) земли, в Кольский присуд, на реку Печенгу, в народ лопарский»². Чтобы ближе познакомиться с местными жителями, он делал вид, будто хочет торговать с ними.

Время, с которого начались здесь апостольские труды преподобного Трифона, указывается приблизительно — с 1520 г. по 1525 г. Издавна эта территория входила в состав Новгородских земель, а после окончательного присоединения Новгорода к Москве (в 1471 г.) перешла под власть великих князей Московских. Здесь обитали лопари. Лопари — саамы, народ тюркского происхождения, живут по берегам Белого моря и Ледовитого океана, главным образом, на Кольском полуострове, теперь в Лапландии, занимаются оленеводством и рыбной ловлей³.

В Житии рассказывается о проповеди преподобного Трифона среди саамов, о преследованиях, которым он подвергался, пока ему не удалось создать общину верующих. В 1524 г. Трифон примерно в 15 верстах вверх от устья Печенги⁴ устроил себе келью. Встретив через 9 лет священника (возможно, иеромонаха) Илию, Трифон призвал его для освящения храма, а затем и сам принял постриг⁵.

Расхождения в датах и некоторых деталях происходивших тогда событий не имеют существенного значения. Главное, что церковь на Печенге была освящена, вероятно, не позже 1533 г., а в Кандалакше, несколько раньше — 1526 г. И это вполне согласуется с теми историческими данными, согласно которым колонизация Терского берега относится к более раннему времени, чем Мурманского.

Селения Умба и Варзуга, например, упоминаются в источниках, по крайней мере, не позже 1466 г. А о том, что эти земли были Кольского полу-

¹ Ушаков И.Ф. Что читали в старину поморы. Житие Трифона // Мурманский вестник. 1994. № 5. С. 14.

² Житие преподобного Трифона, просветителя лопарей // Православный собеседник. Казань, 1859. Т. 2. Май. С. 96–97.

³ Святые Новгородской земли, или история Святой Северной Руси в ликах X–XVIII века. Т. 2. XVI–XVIII вв. Великий Новгород, 2006. С. 1110.

⁴ Река Печенга — в Архангельской губернии, Кольского уезда; впадает в Печенгскую губу Северного Ледовитого океана. Место деятельности преподобного Трифона — северо-западная часть Кольского полуострова, от реки Колы до границ Норвегии.

⁵ Державин В.Л. Северный Мурман в XVI–XVII вв. М.: Научный мир, 2006. С. 121.

острова прочно освоены русскими уже к середине XVI в., указывают храмы терского берега⁶.

Александр Королев в своей книге «Соловецкое море» приводит следующий рассказ: «В устье Печенги он поставил деревянную церковь. Для этого Трифону пришлось ехать в Новгород, чтобы получить благословенную грамоту от архиепископа Макария и привезти с собою плотников.

Через три года ревностному миссионеру чудом удалось найти священника, иеромонаха Илию, посланного из Великого Новгорода, который освятил храм в честь Святой Троицы и крестил обращенных лопарей. Сам проповедник принял иноческий постриг с именем Трифона. Пожертвования лопарей обогатили церковь; к Трифону начали стекаться «мнози иноки и бельцы от стран Российских». Так был основан Печенгский монастырь»⁷.

Известно, что иеромонах Илия, посланный архиепископом Макарием для искоренения язычества на окраинах Новгородской епархии, объезжал области с карельским населением в 1534–1535 гг.⁸ Вероятно, тогда же Илия посетил волостку Колу, где его и встретил Трифон. Таким образом, основание христианской общины на Печенге относится, вероятно, к рубежу 20–30-х гг. XVI в.

В 1556 г. преподобный Трифон дошел до Москвы, где был принят самим царем Иоанном Грозным, от которого получил жалованную грамоту на владение окрестными землями и водами⁹. Следует подчеркнуть, что в ней были четко обозначены самые крайние северо-западные рубежи Русского государства, служившие затем в течение долгого времени поводом для пограничных раздоров между Данией и Россией.

Из грамоты ясно, что хотя преподобный Трифон и не стал, а точнее — не пожелал стать игуменом обители (им стал Гурий), но его ведущая духовная роль как строителя монастыря была неоспоримой. В память о полученных царских дарах подвижник основал на Паз-реке¹⁰ самый северный храм страны во имя святых мучеников благоверных князей Бориса и Глеба, который и по сей день возвышается на берегу реки, но только в 1871 году вместо обветшавшей церкви было возведено новое здание. О нем упоминается в писцовых книгах Василия Агалина 1574 г. и в Книге Большому Чертежу: «А на устье с левой стороны реки Пазы от моря 20 верст погост (церковь) Бориса и Глеба»¹¹.

Основатель Печенгского монастыря преподобный Трифон прожил долгую праведную жизнь и преставился согласно житию 15 декабря 1583 г. в возрасте 88 (или 98) лет в основанном им ските при впадении небольшой речки Манны в Печенгу. Над его мощами, покоившимися под спудом, была

⁶ Ушаков И.Ф. Кольская земля. Мурманск, 1972. С. 31.

⁷ Королев А. Соловецкое море. Мурманск, 2004. С. 53.

⁸ Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Кн. IV. Ч. 1. М., 1996. С. 184.

⁹ Державин В.Л. Северный Мурман в XVI–XVII вв. С. 122.

¹⁰ Пазы — река Архангельской губернии, Кемского уезда на границе России с Норвегией; представляет собой сток озер Энаре, в Норвегии, и впадает в Северно-Ледовитый океан. (Православные русские обители. 1910. Репринтное издание. М., 1994. С. 67).

¹¹ Игумен Аристарх (Лоханов). Храм во имя святых Бориса и Глеба. М., 1999. С. 14.

выстроена часовня, которую затем сменил храм. В конце XIX в. в связи с возрождением обители, здесь возвели второй каменный трехпрестольный храм в честь Сретения Господня, Успения Богородицы и преподобных Зосима и Савватия¹².

В данном повествовании, по мнению Н.Н. Харузина, присутствует ошибка агиографа, т. к. Успенским назывался храм Печенгского монастыря; церковь в пустыни, стоявшая на месте первоначальной трифоновои церкви, была посвящена Троице¹³.

Перед смертью преподобный предсказал скорое разорение и последующее возрождение монастыря. «Будет на сию обитель тяжкое искушение и многие примут мучение от острия меча; но не ослабевайте, братия, упованием на Бога, не оставит Он жезла грешных на жребии своем, ибо силен, и паки обновит свою обитель»¹⁴.

Подробности шведского нападения на самую северную обитель стали хорошо известны по датскому документу, обнаруженному русским консулом в Норвегии Д.Н. Островским — большим знатоком Русского Севера¹⁵. Он представлял собой донесение губернатора Варде Йоргена Кааса, основанное на показаниях датчан, посетивших место трагедии через полгода во время сбора дани с саамов¹⁶.

Действительно, по прошествии шести лет после смерти преподобного Трифона, сбылось его предсказание: на монастырь напали шведы и «ради казны» истязали монахов — «оружием язвящее и огнем жгущее». Погибло 116 человек братии и монастырских слуг. Подробнее в главе — «Предание о первом разорении Трифоно-Печенгского монастыря».

Подводя итог сказанному, нужно отметить, что Житие Трифона содержит ряд ценных сведений о лопарском народе и хозяйственном освоении Мурмана в XIX веке. Запечатлен облик основателя Печенгского монастыря: ростом «святой был не мал, нагиб (сгорблен), плотию (телом) крепок, мало плешив, брадою сед»¹⁷.

Подвижническая жизнь Трифона служила образцом высоко нравственного поведения человека. На одном из списков Жития сделана характерная надпись: «Сию книгу приемши, подражай жительству его, таковым бо нравом путь праведный своего спасения не соделаеши».

Богатая рукописная традиция жития преподобного Трифона изучена довольно слабо, хотя она оказала заметное влияние на развитие православной книжности Русского севера.

¹² Православные русские обители. 1910. Репринтное издание. М., 1994. С. 67.

¹³ Харузин Н.Н. Русские лопари: очерки прошлого и современного быта. М., 1890. С. 432.

¹⁴ Корольков Н.Ф. Сказание о преподобном Трифоне Печенгском чудотворце. СПб., 1896. С. 15.

¹⁵ Островский Д.Н. Печенгский монастырь в Русской Лапландии // Прибавления к церковным ведомостям. 1888. № 13. С. 6.

¹⁶ Державин В. Л. Северный Мурман в XVI–XVII вв. С. 123.

¹⁷ Ушаков И.Ф. Что читали в старину поморы. Житие Трифона // Мурманский вестник. 1994. № 5. С. 14–15.

Краевед Иван Ушаков повествует: «Списки Жития Трифона появились на Кольском Севере уже в XVIII веке. В описи библиотеки Кольско-Печенгского монастыря, составленной в 1754 году, сказано: «В анбаре под колокольнею, в верхней жире (этаже), сундук с печатными и писмянными книгами». В числе 57 названий отмечены «Житие преподобного Трифона» и другая книга — «Служба и Житие преподобного Трифона Печенгского чудотворца, писана уставом», то есть четким, торжественным начерком. Типографски это произведение, существовавшее в нескольких списках, напечатано в 1859 году в «Православном собеседнике» (выпуск 2, Казань). Занимает оно 27 страниц»¹⁸.

Как заметил В.О. Ключевский, житие преподобного Трифона имеет необычную структуру: события до основания монастыря изложены общо, но свястно, а вторая половина произведения состоит из нескольких коротких самостоятельных рассказов¹⁹. Вероятно, житие составлялось на основе более ранних записок, излагавших отдельные эпизоды из жизни святого основателя, сохранившиеся в монастырской традиции. Свой окончательный вид житие преподобного Трифона получило лишь в конце XVII–XVIII столетий, на что указывают особенности языка жития, в т.ч. написание имени «Иисус» и упоминания о «раскольной слепоте».

Н.Н. Дурново называл язык «Жития преподобного Трифона» «вульгарно-литературным» и считал его «чисто русским» в своей основе²⁰, признавая тем самым церковно-славянско-русское литературное двуязычие в Московской Руси XV–XVII вв. В отличие от гибридного языка «вульгарно-литературный» характеризуется не столько вариантными формами, церковно-славянскими и русскими, сколько постоянными нарушениями книжной нормы. Не следует усматривать отрицательных значений в определении вульгарный, так как данный эпитет скорее выражает адресат произведения: имеется в виду простонародье. Аналогичным образом в истории латинского языка выделяют его «вульгарную» разновидность²¹.

Если быть точным, «вульгарно-литературным» языком написана не сама агиобиография, а предшествовавшие ей монастырские записки о жизни Трифона и его посмертных чудесах. «Обыкновенно чудеса записывались со слов тех, с кем они совершались, с соблюдением оттенков изустного рассказа, и в таком виде переносились биографом из старых записей в житие. Есть много указаний на то, что люди, умевшие писать, сами записывали случившиеся с ними чудеса и присылали записки в монастырь или приходили туда и собственноручно вносили их в монастырскую памятную книгу»²².

---

¹⁸ Ушаков И.Ф. Что читали в старину поморы. Житие Трифона // Мурманский вестник. 1994. № 5. С. 14–15.

¹⁹ Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1989. С. 337.

²⁰ Дурново Н.Н. Введение в историю русского языка. М., 1969. С. 35.

²¹ Калугин В.В. Житие Трифона Печенгского, просветителя саамов в России и Норвегии. М.: Древлехранилище, 2009. С. 14.

²² Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. С. 438.

Записки не претендовали на литературность и грамматическую правильность. Их авторы преследовали совсем иную цель: сохранить уцелевшие воспоминания об основателе монастыря и, самое главное, «документально» засвидетельствовать посмертные чудеса, подтверждавшие его святость.

Монастырские записки вошли в агиобиографию Трифона Печенгского и после ее появления были утрачены. Однако их можно вычлениить из жития по границам скопления и разряжения грамматических ошибок, характерных для авторов записок, а также по библейским и другим цитатам, принадлежащим агиографу²³.

Следует снова обратиться к проблеме авторства «Жития преподобного Трифона». По данным языка, автор жития происходил из западной зоны севернорусского наречия. Он знал кольско-печенгские реалии и использовал монастырские записки. Писатель был более сведущ в грамматике и церковной литературе, чем его предшественники. Повествуя о Трифоне, заполняя пробелы в его биографии, он подражал библейским и житийным образцам с их книжным языком.

Ошибок у него немного, и все они типичны для петровского времени, когда обострился кризис церковно-славянского языка. Агиограф не мог не видеть грамматических недостатков своего источника и был способен исправить их. Но не сделал этого. Цитатное слово включалось в авторский текст в первоначальном виде, даже если оно было грамматически неправильным. Например, цитируя Московскую Библию 1663 г., агиограф скопировал контаминированную форму. Видимо, он также поступил и со старыми монастырскими записками, присоединив их к своему тексту и расширив их церковно-историческими экскурсами и традиционными книжными формулами²⁴.

Агиограф придал композиционную и риторическую стройность компиляции, но не выправил ее язык. Ему было важно построить произведение и расположить его части по универсальной житийной схеме. Грамматическая же унификация не являлась в его глазах обязательным условием литературного текста, а письменный узус допускал варианты и отклонения от книжной нормы. Вследствие этого язык жития неровен. Простые, грамматически не обработанные рассказы чередуются с более грамотными частями, построенными по агиографическому канону и украшенному многочисленными библейскими цитатами и экскурсами²⁵.

XVIII век не внес ничего нового в летопись чудес Трифона Печенгского. После появления жития со службой монастырские записки перестали переписываться за ненадобностью и со временем исчезли. Но не бесследно.

Цитаты в произведениях древнерусской литературы изучены явно недостаточно. Очень часто их не отмечают и не комментируют даже в научных изданиях литературных памятников. Между тем это ценный и интересный источник. Кроме очевидной композиционной и сюжетной значимости

²³ Калугин В.В. Житие Трифона Печенгского, просветителя саамов в России и Норвегии. С. 15.

²⁴ Калугин В.В. Житие Трифона Печенгского, просветителя саамов в России и Норвегии. С. 64.

²⁵ Там же.

цитат в структуре текста, они содержат важные данные для истории памятника, его датировки, атрибуции, помогают понять особенности языка.

В небольшом «Житии Трифона Печенгского» очень много, около сотни, библейских цитат и реминисценций. Почти все они приходится на жизнеописание Трифона, созданное агиографом.

Библейские цитаты — важная примета, помогающая отделить его текст от монастырских записок, где они — редкость.

В Древней Руси знание Священного Писания часто не выходило за пределы того, что читали за богослужением. Поэтому библейские цитаты, заполнявшие в большом количестве переводные и оригинальные произведения, обычно приводятся в той языковой форме, которая характерна для богослужебного типа библейских книг.

В «Житии Трифона Печенгского» многие цитаты переданы очень точно, с сохранением мельчайших особенностей и ошибок оригинала. В этих случаях агиограф цитировал не по памяти, а аккуратно делал выписки из Библии. Обширная цитация объясняется не только средневековой установкой писать «не от себя», а от «святых книг», но и теми трудностями, с которыми столкнулся агиограф.

Писатель испытывал острый недостаток в источниках и сведениях о своем герое. К концу XVII века многое из начальной монастырской истории было бесследно утеряно, забыто, погибло в пожарах и войнах. Все, чем располагал автор, — это устное предание и монастырские записки. Но они не могли воссоздать целостной картины.

Агиограф пошел по единственному возможному пути. Он описал жизнь и деяния Трифона по формальной житийной схеме (детство праведника, его призвание, подвиги, предсмертное поучение, благочестивая кончина и т. д.) и наполнил общие места библейскими цитатами и примерами. Создавая по книжным образцам сюжетные и речевые стереотипы, вкладывая в уста героя готовые формулы и цитаты, писатель был близок к истине. В похожей обстановке святой должен был думать, говорить и делать нечто подобное. Задачей писателя было изобразить в общих биографических чертах «нравственные парадигмы»²⁶.

В рассказе о ручных жерновах, принесенных Трифоном из Колы на Печенгу за 150 верст, в ответ на предложение учеников помочь ему святой произносит этикетное нравоучение, составленное из библейских цитат (Сир 40: 1; Мк 9: 42 и Лк 17: 2), по объему немногим меньше трети всей статьи.

Библейские цитаты предвзвешивают короткие рассказы о Трифоне, являясь своеобразным введением к ним. Незамысловатое предание о Трифоне и забравшемся в его келью медведе распространено более чем в два раза библейскими и агиографическими примерами.

Начав, как и полагается, от Адама (Быт 1: 26, 28; 2: 20; 3: 1—24), агиограф совершает экскурс в «звериную тематику» в Библии, повествует о Ное (Быт 7: 2—3, 8—9, 14—16), Самсоне (Суд 14: 5—6), Давиде (1 Цар 17: 34—35), Елисее (4 Цар 2: 23—24), Данииле (Дан 14: 31—42), ссылаясь на жития

²⁶ Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. С. 432.

с их историями о том, как звери служили праведникам (лев аввы Герасима в «Синайском патерике»)²⁷.

Этот же прием использован в рассказе о сборе милостыни на Новгородчине во время голода на Поморском севере. Вступление, составленное из библейских текстов, превосходит по объему саму статью.

Агиограф рассуждает о причинах голода и казнях Божиих за человеческие грехи, углубляется в священную историю, вспоминает и цитирует Плач Иеремии (1: 11), Давида (2 Цар 24: 11–15), Исаака (Быт 26: 1, 6–7, 12, 14), Иосифа (Быт 41: 54–57; 42: 1–38; 43: 1–34; 44: 1–34; 45: 1–28), Руфь (2: 1–23), вновь возвращается к Давиду (1 Цар 21: 1–6).

Так воплотился в творчестве один из основных законов древнерусской литературы — писать «не от ѹмышленья, но от свѣтъѹ книг, да нѣсть се мое слово»²⁸.

Устные предания о Трифоне долго жили среди саамов России и Норвегии. Сказания норвежских саамов о Трифоне стали предметом исследования У. Силднес²⁹.

Одно из них, появившееся под влиянием жития, записал Н.Н. Харузин. «...Лопари не хотели принимать св. крещения и делали разные неприятности святому Трифону; раз они собирались большой толпой к нему и, когда преподобный Трифон вышел, они схватили его за волосы и долгое время волокли его, вследствие чего он оплешивел (преподобный Трифон, как известно, изображается на иконах плешивым); Бог наказал лопарей за это и сделал так, что между лопарями теперь много плешивых...»³⁰.

М.М. Пришвин, знакомый с исследованием Н.Н. Харузина, рассказывает в книге «За волшебным колобком» (1908 г.) о путешествии по Лапландии³¹ летом 1907 г.: «С тех пор как святой Трифон пришел в Лапландию, все лопари сначала плохо приняли Трифона, за волосы даже его таскали. А потом и смирились, но Господь наказал лопарей за святого, и они стали плешивыми»³².

Письменные и устные традиции могут вступать в сложную взаимосвязь. Монастырское предание о гонениях на Трифона (существовавшее уже к середине XVII века) было подхвачено агиографом Сергием Шелониным, а

²⁷ Синайский патерик / Изд. подгот. В.С. Гольщенко, В.Ф. Дубровина. М., 1967. С. 182–187.

²⁸ Поньрко Н.В. Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XIII вв. Исследования, тексты, переводы. СПб., 1992. С. 166.

²⁹ Sildnes U. Trifon Pechengskij: en orthodox helgen i russisk og norsk tradisjon. Tromse, 1997. 121 s.

³⁰ Харузин Н.Н. Русские лопари: очерки прошлого и современного быта. С. 210.

³¹ Лапландия — географическое название, пришедшее из Швеции, — «страна лаппов» (лопарей, саамов). В узком смысле — территория лопарских погостов (Понойская и Кольско-лопарская волости).

Термин «Лапландия» в отечественной литературе обычно относят к территории Кольского полуострова без русских волостей Терского берега.

³² Пришвин М.М. Собрание сочинений в восьми томах. М., 1982. Т. 1. С. 265.

затем житие и иконописный образ Трифона повлияли на возникновение «творимой легенды» о наказании саамов³³.

Большинство списков жития изготовлены старообрядцами или обращались в их среде. Цитирование Московской Библии означает, что агиограф не был старообрядцем, которые не признают церковных изданий после 1653 года. На это же указывают цитаты из литургических книг в никоновской редакции. Однажды на утреннем церковном богослужении Трифона глубоко поразили слова из Октоиха, и с того времени у него появилось стремление к уединению и молитве. Рассказывая об этом, агиограф приводит исправленный текст Октоиха (воскресная утренняя, 5-й глас, 2-й тропарь 1-го антифона)³⁴.

Части жития, созданные под влиянием образцовых текстов (библейских, литургических) и излагающие события с их точки зрения, имеют книжную форму и тяготеют к церковно-славянской норме, хотя и в этом случае не обошлось без грамматических погрешностей. Содержание этих разделов этикетно и абстрактно. Рассказы же о чудесах и другие части жития, передающие свидетельства очевидцев и воспоминания о Трифоне, написаны в значительно более свободной манере, с постоянными отступлениями от грамматических предписаний. Но именно они наиболее достоверны и надежны³⁵.

Подводя итог сказанному, следует отметить то, что агиограф взялся за свой труд, когда после смерти Трифона в Печенгском монастыре сменилось несколько поколений иноков, а сама обитель переживала упадок. Монастырские записки и устные предания содержали скудные и смутные известия о жизни Трифона до основания им обители, о событиях более чем столетней давности. Писатель восполнил белые пятна в биографии своего героя обширным цитированием Московской Библии 1663 г., а иногда и литургических книг.

Вследствие этого образ Трифона предельно схематизирован, действительные черты его личности и биографические факты подверглись стилизации в соответствии с законами агиографического жанра³⁶.

Может казаться, что автор жития — банальный компилятор, составляющий жизнеописание своего героя из кусков чужих произведений, мало заботясь об историческом правдоподобии и равнодушно относясь к биографическому факту³⁷. Однако он использует библейские, литургические, житийные источники, но облакает в их этикетную форму монастырское предание. Далеко не всегда тексты конца XVII века надежны и достоверны, но именно так в житии соединились историческая правда и агиографический канон. При этом, принимая предание в его устной и письменной форме, писатель обнаруживает полное равнодушие к монастырским актам.

³³ Калугин В.В. Житие Трифона Печенгского, просветителя саамов в России и Норвегии. С. 89.

³⁴ Калугин В.В. Житие Трифона Печенгского, просветителя саамов в России и Норвегии. С. 91.

³⁵ Там же. С. 93.

³⁶ Там же.

³⁷ Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. С. 432–433.

Житие сделало имя Трифона весьма популярным на Русском Севере. Память о нем особенно прочно держалась у лопарей. Известный путешественник Ф.П. Литке, побывав на Мурмане в 1822 году, писал: «Печенга есть Мекка того края: каждый благочестивый лопарь считает обязанностью поклониться, хотя бы раз в жизни, мошам святого угодника; в затруднительных случаях дают они обеты идти в Печенгу на богомолье, многие делают это для излечения от болезней»³⁸.

Рассказы о приходе Трифона на Печенгу из новгородских земель и об устройстве им обители, основанные на полуторавековом монастырском предании, подтверждаются показаниями иностранцев Генриха Штадена и Симона ван Салингена, современников Трифона. Необходимо подробнее рассмотреть точку зрения и повествование Симона ван Салингена о преподобном Трифоне Печенгском, чтобы выяснить степень их достоверности и ценности для исторической реконструкции жизнеописания преподобного Трифона и истории Печенгского монастыря.

Писатель «Жития преподобного Трифона Печенгского» испытывал острый недостаток в источниках и сведениях о своем герое.

К концу XVII в. много из начальной монастырской истории было бесследно утеряно, забыто, погибло в пожарах и войнах.

Все, чем располагал автор, — это устное предание и монастырские записки. Но все это воссоздать целостной картины не могло.

Агиограф пошел по единственно возможному пути. Он описал жизнь и деяния Трифона по формальной житийной схеме (детство праведника, его призвание, подвиги, предсмертное поучение, благочестивая кончина) и наполнил общие места библейскими цитатами и примерами.

Писатель восполнил белые пятна в биографии своего героя обширным цитированием Московской Библии (1663 г.), а иногда и литургических книг.

Безусловно, вследствие этого образ Трифона предельно схематизирован, действительные черты его личности и биографические факты подверглись стилизации в соответствии с законами агиографического жанра³⁹.

Интересно заметить, что принимая предание в его устной и письменной форме, писатель обнаруживает полное равнодушие к монастырским актам.

Далеко не всегда тексты конца XVII века надежны и достоверны, но именно так в «Житии» соединились историческая правда и агиографический канон.

В советский период многие святые на Кольской земле были утрачены. Однако сохранились мощи 116 мучеников, находящиеся в крипте под спудом в алтарной части храма Рождества Христова Трифонов-Печенгского монастыря, который в 2007 г. вновь пострадал от пожара.

В настоящее время ведется активная работа по восстановлению монастыря и монашеской жизни. А на протяжении многих веков нерушимо стоит

---

³⁸ Литке Ф.П. Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военном бриге «Новая земля» в 1821–1824 годах. М., 1948. С. 315.

³⁹ Калугин В.В. Житие Трифона Печенгского, просветителя саамов в России и Норвегии. М.: Древлехранилище. 2009. С. 93.

крест, на предполагаемом месте могилы преподобного Трифона в поселке Луостари.

Источники и литература

1. Державин В.Л. Северный Мурман в XVI–XVII вв. М.: Научный мир, 2006.
2. Дурново Н.Н. Введение в историю русского языка. М., 1969.
3. Житие преподобного Трифона, просветителя лопарей // Православный собеседник. Казань, 1859. Т. 2. Май.
4. Аристарх (Лоханов), игум. Храм во имя святых Бориса и Глеба. М., 1999.
5. Калугин В.В. Житие Трифона Печенгского, просветителя саамов в России и Норвегии. М.: Древлехранилище, 2009.
6. Корольков Н.Ф. Сказание о преподобном Трифоне Печенгском чудотворце. СПб., 1896.
7. Королев А. Соловецкое море. Мурманск, 2004.
8. Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1989.
9. Литке Ф.П. Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военном бриге «Новая земля» в 1821–1824 годах. М., 1948.
10. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Кн. IV. Ч. 1. М., 1996.
11. Островский Д.Н. Печенгский монастырь в Русской Лапландии // Прибавления к церковным ведомостям. 1888. № 13.
12. Православные русские обитатели. 1910. Репринтное издание. М., 1994.
13. Поньрко Н.В. Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XIII вв. Исследования, тексты, переводы. СПб., 1992.
14. Пришвин М.М. Собрание сочинений в восьми томах. М., 1982. Т. 1.
15. Святые Новгородской земли, или история Святой Северной Руси в лицах X–XVIII века. Т. 2. XVI–XVIII вв. Великий Новгород, 2006.
16. Синайский патерик / Изд. подгот. В.С. Гольщенко, В.Ф. Дубровина. М., 1967.
17. Ушаков И.Ф. Что читали в старину поморы. Житие Трифона // Мурманский вестник. 1994. № 5.
18. Ушаков И.Ф. Кольская земля. Мурманск, 1972.
19. Харузин Н.Н. Русские лопари: очерки прошлого и современного быта. М., 1890.
20. Sildnes U. Trifon Pechengskij: en orthodox helgen i russisk og norsk tradisjon. Tromsø, 1997.